

УДК 340

РУБРИКА: ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

Напольских Инна Михайловна

ORCID: 0009-0003-0947-5125

inna.napolskix@mail.ru

адъюнкт кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя

5.1.1 - Теоретико-исторические правовые науки

Научный руководитель:

Сигалов Константин Елизарович,

Профессор, доктор юридических наук,

профессор кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя

5.1.1 - Теоретико-исторические правовые науки

ДОВЕРИЕ В ПУБЛИЧНОМ И ЧАСТНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация.

Введение. Рассматриваемая тема актуальна в контексте поиска и культивации наиболее удачных механизмов и средств поддержания и развития действующего права. Нередко частные и публичные интересы тесно переплетены между собой. Представляется рассмотрение проявлений доверия в публичном и частном праве в их взаимосвязи.

Методы исследования: сравнительно-правовой, формально-логический, системный.

Результаты: автор пришел к выводу том, что как в рамках публично-правового, так и частноправового взаимодействия формирование доверия является промежуточной целью, достижение которой позволяет конструктивно взаимодействовать в поле правового пространства. Образование необходимых социально-экономических условий в совокупности с необходимостью субъектов права в сотрудничестве обуславливает выражение доверия.

Также подчеркивается, что в сфере публичного права доверие к праву находится в зависимости от доверия к властным субъектам. Недостаток доверия не означает неэффективности действия права. В такой ситуации действенность может быть достигнута за счет реализации мер принудительного характера. Но это в равной мере будет означать снижение степени признания права обществом. Значимость доверия для действенности частного права выше, чем для публичного в силу равноправия субъектов взаимодействия и большей степени свободы участников правоотношений.

Ключевые слова: доверие, частное право, публичное право, сравнительная характеристика, субъекты права, власть, властный субъект, авторитет.

Napolskikh Inna Mikhailovna
ORCID: 0009-0003-0947-5125
inna.napolskix@mail.ru
Junior Scientific Assistant of the
Department of Theory of State and Law of the
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikotya

TRUST IN PUBLIC AND PRIVATE LAW: COMPARATIVE CHARACTERISTICS

Annotation.

Introduction. The topic under consideration is relevant in the context of the search and cultivation of the most successful mechanisms and means of maintaining and developing the current law. Private and public interests are often closely intertwined. An examination of the manifestations of trust in public and private law in their interrelation is presented.

Research methods: comparative legal, formal logical, systemic.

Results: the author came to the conclusion that, both within the framework of public and private law interaction, the formation of trust is an intermediate goal, the achievement of which allows constructive interaction in the field of legal space. The formation of the necessary socio-economic conditions, together with the need for legal entities to cooperate, determines the expression of trust.

It is also emphasized that in the field of public law, trust in law depends on trust in government entities. Lack of trust does not mean that the law is ineffective. In such a situation, effectiveness can be achieved through the implementation of coercive measures. But this will equally mean a decrease in the degree of recognition of the right by society. The importance of trust for the effectiveness of private law is higher than for public law due to the equality of subjects of interaction and a greater degree of freedom of participants in legal relations.

Keywords: trust, private law, public law, comparative characteristics, subjects of law, power, authority, authority.

Введение. Доверие является многогранным феноменом, имеющим различные формы проявления. Формирование комплексного представления о его действии в поле правового пространства предполагает рассмотрение данной проблемы с применением метода индуктивного познания. В частности, в рамках данной работы выясним, в чем состоит отличие проявления доверия в публичном и частном праве.

Довольно распространенной является позиция, что разделение типов права на частное и публичное сводится к следующему: публичное имеет целью обеспечить интерес общественный, частное – индивидуальный¹. То есть по сути дела дублирует формулу Ульпиана, высказанную почти 1800 лет назад[1]. Но не всегда то, что было высказано в римском праве 1800 лет назад, абсолютно верно и применимо к дню сегодняшнему.

Данная установка является не вполне применимой для полноценного теоретического анализа, так как его реализация «становится основанием для подмены содержания права его формой» [2]. Нередко частные и публичные интересы оказываются тесно переплетены между собой. Например, в публичном праве могут содержаться гарантии должной реализации правовых предписаний в случае сбой частного права. В этой связи обоснованным представляется рассмотрение проявлений доверия в публичном и частном праве в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Методы. С помощью сравнительно-правового метода происходило выявление общих закономерностей формирования и проявления доверия в частном и публичном праве; с применением формально-логической методологии осуществлялось построение теоретических конструкций действия доверия в частном и публичном праве; системный метод позволил определить значимость доверия для эффективности действия частного и публичного права.

¹ Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Энциклопедический юридический словарь. М., 1996. С. 260.

Результаты. Право выступает продуктом целенаправленной государственной деятельности и в то же время результатом социально-культурного развития общества, формой общественной традиции, столь же устойчивой и подверженной изменениям, как национальный язык[3]. Моральный аспект имеет место во всех сферах отношений между людьми - от индивидуальных до межцивилизационных, регулирует отношения как на межличностном, так и на общечеловеческом уровне[4]. По замечанию Р.А. Ромашова, в рассмотрении права обособленно от морали и религии имеются свои преимущества. В то же время нельзя отрицать факт присутствия в праве сакральных и морально-нравственных оснований[5]. Благодаря доверию образуются условия для конструктивного сотрудничества субъектов права, как в частных, так и публичных правоотношениях. С доверием напрямую связаны способности людей образовывать социальные связи и действительно взаимодействовать. Это неоднократно позволяло общественным отношениям перейти на более высокий уровень развития. Харари Юваль Ной позиционирует деньги как универсальное средство обмена, являющееся одним из первых механизмов доверия в обществе[6]. Современная система безналичных расчётов, онлайн-платежей и т.п. предусматривает совершенно иную систему доверия, нежели та, которая существовала даже 20-30 лет назад. Соответствующие изменения не могли бы произойти без готовности к ним социально-экономических условий, по отношению к которым доверие является вторичным и сопутствующим условием. Поэтому его не следует «абсолютизировать, превращать в единственную основу правового поведения» [7, с. 144].

Как известно, «публичное право всегда опирается на частное, в первую очередь, для обоснования формального равноправия субъектов правоотношений и создания хотя бы иллюзии справедливости» [8, с. 23]. Обращаясь к историческому опыту, можно проследить различные примеры внешнего выражения доверия в сфере публичного права. Избрание Михаила Романова на царство Земским собором является демонстрацией доверия, в определённом

смысле, «кредитом» доверия, ибо личные качества его ещё не были проявлены, родство с Рюриковичами было сомнительным, в вот отношения с властным и амбициозным патриархом Филаретом (в миру Фёдором Романовым) более чем реальными. Просто была острая потребность в стабильной централизованной власти, которая была бы способна обеспечить защиту от внешних угроз и установить порядок внутри государства. Поэтому компромиссная фигура Михаила Романова на определённом этапе устроила бóльшую часть властных элит. Ну а народ, как всегда «безмолвствовал». Данный пример также демонстрирует связь между выражением доверия и наличием социально-экономических условий для соответствующих преобразований. В то же время его можно представить как феномен, влияющий на образование необходимых социальных условий сотрудничества в поле правового пространства.

Как в частном, так и публичном праве доверие можно рассматривать в качестве целевой установки, однако установка эта промежуточная, связанная с реализацией иных интересов. К примеру, в своей деятельности полиция стремится к достижению доверия граждан. В данном случае доверие как цель можно рассматривать в контексте гармонизации общественных отношений и приведения их к определенному состоянию. Но в то же время благодаря доверию повышается эффективность деятельности органов внутренних дел и реализации правовых предписаний, а исследуемый феномен предстает целью промежуточной (или средством повышения эффективности деятельности полиции). Но и народ всё же хочет видеть в полиции своего защитника и выразителя своих интересов. Косвенным подтверждением этого является всенародная любовь в милицейским-полицейским детективам, где бесстрашные и честные служители правопорядка борются с преступностью, а также бюрократизмом отдельных представителей властей и правовым нигилизмом населения.

В публичном праве, характеризуемом неравноправием участников правоотношений, проблема доверия должна рассматриваться во взаимосвязи с восприятием властных субъектов. Особое значение имеет в данном контексте

«уверенность в системно-заданных ожиданиях» [9, с. 170]. Степень их реализации определяет отношение к власти и праву, от нее исходящему. Становится первичным вопрос о том, насколько власть в состоянии обеспечить правовые гарантии. К.Е. Сигалов отмечает, что «гарантирование - это интериоризация усилий гаранта по отношению к гарантированному, гарантия - условный «продукт» действий гаранта. При этом собственно ключевое понятие - это гарант» [10, с. 46]. Таким образом, доверие в публичном праве, будучи связанным с отношением к властным субъектам, в действительности является показателем степени уверенности в том, что ими будут должным образом обеспечены правовые гарантии.

Отсутствие безусловного доверия в сфере публичного права не означает, что право не будет действенным (если мы подразумеваем сугубо юридическую сторону данного вопроса). В таком случае действенность оказывается тесным образом взаимосвязанной с мерами императивного воздействия. Однако в обозначенной ситуации едва ли можно вести о действенности права в его социальном измерении.

В сфере частного права особую роль играет частный интерес, наличие которого обуславливает для субъектов правоотношений необходимость в определении границ, статуса, прав, обязанностей и ответственности по отношению друг к другу [11]. Все это связано со стремлением обеспечить реализацию должного в действительном, обеспечить правоотношение обеспечительными мерами, гарантиями. Подобная тенденция наблюдалась уже в Древнем Риме, в частности, в кредитных правоотношениях. Кредит предполагал совершение покупки с отложенным платежом. Чаще всего в кредит покупали землю, скот и рабов. Для обеспечения гарантий в уплате долга применялась «федуция» – передача в залог ценности, возвращаемой при уплате долга [12].

Доверие складывается из двух элементов: отношения к субъекту взаимодействия и возможности обеспечить законные интересы правовыми средствами. Особое значение имеют репутационные характеристики субъекта

взаимодействия, опыт прежнего взаимодействия с ним (если таковой имеется). Возможность обеспечить законные интересы правовыми средствами отсылает нас к правовым гарантиям. И если частноправовых механизмов недостаточно для обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений, то это реализуется за счет действия публично-правовых механизмов.

В частноправовых отношениях существенное внимание уделяется вопросу добросовестности участников правоотношений. «Требование добросовестности в его обыденном понимании как честности, доверии к чужой честности, верности принятому обязательству является наиболее адекватным выражением идеи частного права, автономии воли, свободы договора»[13, с. 128]. Особое значение в римском праве имела категория «добросовестность» (*bona fides*). Под категорией «*fides*» понималось не только доверие к данному слову со стороны третьих лиц, но и верность собственному слову. Это базовая составляющая, детерминирующая характер взаимодействия между людьми с позиции римского права. В полной мере данный принцип был распространен на сферу публично-правовых отношений[14, с. 134].

Существенная роль доверия в частном праве подтверждается, в числе прочего, закреплением на законодательном уровне ответственности за преступные деяния, совершенные с применением злоупотребления доверием. К примеру, Ст. 165 УК РФ закрепляет ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием².

Инструментальные свойства доверия в публичном и частном праве связаны с функцией компенсации недостатков права.

В сфере публичного доверия стабилизирует реакционные силы общества, вызванные различными правовыми преобразованиями. В особенности ярко это прослеживается в ситуациях, когда правовые преобразования являются непопулярными, тем не менее, не образуют явного противоборства со стороны общества.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

В сфере частного права компенсационная функция доверия проявляется в ситуациях недостаточной степени урегулированности общественных отношений. Недостаточность регламентации не позиционируется как недостаток частноправовой сферы, это специфика данного типа права, отсутствие которой могло бы превратить правовую жизнь в регламент. Обозначенная характерная черта частноправового взаимодействия обуславливает наличие существенной доли неопределенности исхода взаимодействия субъектов права. Наличие доверия минимизирует опасения, связанные с возможным отсутствием реализации законных ожиданий. Принимая во внимание имеющиеся риски, но обладая основаниями и гарантиями для доверия, субъекты права вступают в частные правоотношения.

Если рассматривать проблему взаимосвязи доверия с действительностью публичного и частного права, то действительность целесообразно рассматривать как в юридическом, так и социальном измерении.

В публичном праве реализация большинства норм обеспечена возможностью принуждения, поэтому его действительность может повышаться за счет усиления таких мер, что в свою очередь снижает степень доверия к праву со стороны общества. В действительности реализация подобного подхода способствует существенному отдалению права от морали. Как отмечает Н.М. Коркунов, в случае пренебрежения правом нормами морали, «самые возвышенные нравственные интересы должны при таком взгляде уступать формальным требованиям права, приносятся им в жертву»³.

Говоря о действительности функционирования отношений «власть-подчинение», К.Е. Сигалов отмечает, что «Представления об иерархических властных отношениях чрезвычайно подвержены господствующим в обществе политическим доктринам, поэтому эффективность отношений «власть - подчинение» с точки зрения доминирующей именно в данном обществе правящей элиты еще не есть эффективность государства, а способность властей удерживать

³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - 352 с.

в подчинении население и успешно осуществлять обусловленную политической идеологией программу действий достигается совершенно разными средствами, некоторые из которых не только далеки от мировых стандартов, но и просто бесчеловечны»[15, с. 11]. «Все такие правомерные действия, для юридических последствий которых безразлична их внутренняя сторона, относятся к числу событий и вместе с ними называются юридическими фактами»⁴.

Сказанное соотносится с позицией В.П. Малахова, о том, что действенность публичного права, помимо присутствия силы и власти, определенным образом находится в зависимости от доверия к нему, но это - доверие к системе, что, однако, несопоставимо с возможностями конкретного человека. Поэтому проблема доверия для публично-правовой сферы решается преимущественно за счет неадекватных средств (идеологии, контроля над информационными ресурсами, популизма и прочих политически окрашенных средств)[3]. Это обеспечивает образование доверия лишь по форме, но не содержанию, поскольку положительное отношение основывается исключительно на иррациональных факторах, преобладание которых приводит к подмене доверия доверчивостью. При условии наличия реального доверия в публично-правовых отношениях степень действенности права в юридическом и социальном измерении находятся примерно на одном уровне.

Заключение. Таким образом, можно сделать ряд выводов:

1. Как в рамках публично-правового, так и частноправового взаимодействия формирование доверия является промежуточной целью, достижение которой позволяет конструктивно взаимодействовать в поле правового пространства. Образование необходимых социально-экономических условий в совокупности с необходимостью субъектов права в сотрудничестве обуславливает выражение доверия.

2. В сфере публичного права доверие к праву находится в зависимости от доверия к властным субъектам. Недостаток доверия не означает неэффективности

⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - 352 с.

действия права. В такой ситуации действенность может быть достигнута за счет реализации мер принудительного характера.

3. Но это в равной мере будет означать снижение степени признания права (и власти) со стороны общества.

4. Значимость доверия для действенности частного права выше, чем для публичного в силу равноправия субъектов взаимодействия и большей степени свободы участников правоотношений.

Библиографический список

1) Савельева Ю.Н. К вопросу о сущности права и правовом дуализме в трудах Ульпиана // Символ науки. 2021. № 4. С. 109-111.

2) Малахов В.П. Публичное и частное в системе характеристик права // История государства и права. 2011. № 16. С. 2-7.

3) Ромашов Р.А. Дисбаланс права // Вестник СГЮА. 2015. №5 (106). С. 91-95.

4) Сигалов К. Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 12-15.

5) Ромашов Р. А. Злоупотребление в праве и злоупотребление правом // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : Материалы IV Всероссийской науч.-практ. конф. (с международным участием). Казань. 2020 г. / под ред. Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. Казань: Университет управления «ТИСБИ». 2020. С. 14-19.

6) Харари Ю.Н. Sapiens: краткая история человечества / пер. с англ. Любви Сумм. М.: Синдбад, 2016. - 516 с.

7) Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право: монография. репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М. 2020. - 190 с.

8) Сигалов К.Е., Чувальникова А.С. Охранительная функция права и эффективного государства: диалектика частного и публичного в праве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 24-30.

9) Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002. - 254 с.

10) Сигалов К.Е. Императивные основания правового сознания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. № 1 (9). С. 43-50.

11) Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Условия формирования гражданского общества в контексте пространственно-временных факторов // Пространство и Время. 2015. № 3 (21). С. 32-40.

12) Канаев А.В. Кредитные обязательства в системе римского частного права // Финансы и кредит. 2007. № 13 (253). С. 70-80.

13) Сазанова И.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: проблемы применения статьи 10 гражданского кодекса Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 120-132.

14) Карлявин И.Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве // Lex Russica. 2015. № 1. С. 130-140.

15) Сигалов К.Е. Эффективное государство: миф или реальность // История государства и права. № 3. 2017. С. 9-14.

Reference

1) Savelyeva Yu.N. On the question of the essence of law and legal dualism in the works of Ulpian // Symbol of Science. 2021. № 4. pp. 109-111.

2) Malakhov V.P. Public and private in the system of characteristics of law // The history of state and law. 2011. № 16. pp. 2-7.

3) Romashov R.A. The imbalance of law // Bulletin of the SSYAA. 2015. № 5 (106). pp. 91-95.

4) Sigalov K. E. Interrelation of moral and legal values // Civil society in Russia and abroad. 2013. № 2. pp. 12-15.

5) Romashov R. A. Abuse of law and abuse of law // Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice : Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. (with international participation). Kazan. 2020 / edited by R.F. Stepanenko, S.N. Tagaeva. Kazan: TISBI University of Management. 2020. pp. 14-19.

6) Harari Yu.N. Sapiens: a brief history of mankind / translated from English. Lyubov Sum. M.: Sinbad, 2016. - 516 p.

7) Kokotov A.N. Trust. Distrust. Law: monograph. repr. ed. M.: Norm: INFRA-M. 2020. - 190 p.

8) Sigalov K.E., Chuvalnikova A.S. The protective function of law and an effective state: the dialectic of private and public law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 6. pp. 24-30.

9) Seligmen A. The problem of trust / translated from English by I.I. Murberg, L.V. Soboleva. M.: Idea Press, 2002. - 254 p.

10) Sigalov K.E. Imperative grounds of legal consciousness // Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences. 2017. № 1 (9). pp. 43-50.

11) Medushevskaya N.F., Sigalov K.E. Conditions for the formation of civil society in the context of space-time factors // Space and Time. 2015. № 3 (21). pp. 32-40.

12) Kanaev A.V. Credit obligations in the system of Roman private law // Finance and credit. 2007. № 13 (253). pp. 70-80.

13) Sazanova I.V. Abuse of subjective civil law: problems of application of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation // Leningrad Law Journal. 2006. № 2. pp. 120-132.

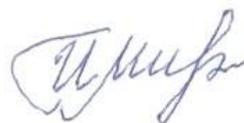
14) Karlyavin I.Y. Methodological significance of the categories fides (conscience) and bona fides (good conscience) in Roman private law // Lex Russica. 2015. № 1. pp. 130-140.

15) Sigalov K.E. Effective state: myth or reality // History of State and law. № 3.

2017. p. 9-14.

«Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. Заявляю об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией данной статьи в журнале «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России». Разрешаю размещение полнотекстовой версии статьи, а также её частей в открытом доступе в сети Интернет, а также на официальных каналах журнала в социальных сетях. При создании статьи не использовались возможности искусственного интеллекта».

07.05.2024 г.

И.М. Напольских

Научный руководитель:

Профессор, доктор юридических наук,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

07.05.2024 г.

К.Е. Сигалов